

*Александр
Тамоников*

**ДОРОГА
ОСОБОГО
ЗНАЧЕНИЯ**

*Москва
2023*

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на переплете *А. Дурасова*

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Дорога особого значения / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2023. — 320 с. — (СМЕРШ — спецназ
Сталина).

ISBN 978-5-04-180274-5

Германское командование разрабатывает план диверсии на Транссибирской магистрали, снабжающей советские войска. Главной действующей силой акции должны стать заключенные сибирских лагерей. Подбить эзков на восстание поручено осевшим в тех краях «спящим» агентам абвера. Узнав о готовящейся операции немцев, руководство СМЕРШа направляет в один из лагерей старшего лейтенанта Игната Раздабарова и лейтенанта Афанасия Лыкова. Под видом заключенных они внедряются в преступную среду и начинают опасную работу по проверке уловленных авторитетов...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-180274-5

© Тамоников А.А., 2023
© Оформление ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ГЛАВА 1

На передовую полковник Николай Звягин попал лишь в начале 1943 года. До этого дивизия, которой он командовал, находилась в резерве — далеко от фронта, в одном из уральских городков. В начале 1943 года дивизию Звягина отправили на передовую. Предстояло освобождать Украину от захватчиков. Вот туда-то, к украинским рубежам, и был направлен полковник Звягин вместе с дивизией.

С самого начала войны Звягин не горел особым желанием воевать — хотя и был кадровым военным. Его вполне устраивало то, что он находился в тылу. Здесь все было проще и понятнее, а главное, спокойнее. Здесь не стреляли, а атаки, контратаки и прочие маневры больше походили на игру, чем на реальные военные действия. Все это были учения, а учения — это всегда прелюдия к настоящим сражениям.

Ну, и пускай это будет прелюдия. Пускай такая прелюдия длится как можно дольше — хоть до самого конца войны. Он, полковник Звягин, ничуть против этого не возражал. Зачем ему

фронт, где стреляют и убивают? В тылу — оно спокойнее. Тем более что находился в тылу Звягин не по своей воле и прихоти, а таков приказ высшего командования, которому он обязан подчиниться. Так что никаких угрызений совести и прочих душевных терзаний полковник не испытывал. К чему угрызения и терзания? Приказано находиться в тылу — он и находится.

При всем при том трусом Звягин себя не считал. О, нет, какой же он трус? Если, допустим, завтра ему прикажут вместе с дивизией отправиться на передовую — он, разумеется, отправится. И будет воевать храбро, умело, как и полагается советскому офицеру.

Попав на фронт, свой первый настоящий бой полковник Звягин провел превосходно. Его дивизия должна была взять один из донбасских городов — и Звягин с честью выполнил приказ. Затем был другой донбасский городок и третий — и здесь Звягин также вышел победителем. И даже был представлен к боевой награде.

Ну, а коль так, то полковник очень скоро убедил сам себя в том, что он талантливый полководец, победитель, успешный освободитель родных земель от захватчиков и впереди его ждут другие военные успехи, а с ними — почет, слава, генеральское звание. А там, глядишь, война и закончится, и уж тогда-то он заживет как следует! В почете, уважении, достатке — как и подобает боевому генералу-победителю. Тем

более что война, судя по всему, и впрямь скоро закончится. Вон как наступают советские войска! По всем фронтам! А враг, соответственно, по всем фронтам отступает.

Так что не стоит горевать и печалиться, что он попал на передовую. Потому что если разобраться, то и на передовой можно ухватить удачу за хвост! И для этого здесь возможностей гораздо больше, чем в тылу. Что тыл? Там, конечно, безопаснее, но вместе с тем никаких особенных наград и почестей тебе не достанется. Фронт — другое дело! Тем более непосредственно в атаки ему не ходить. Его дело — командовать изда-лека, находясь в укрытии.

После нескольких успешных боев наступило затишье. Приказов освободить другие города пока что не было, и дивизия Звягина, таким образом, получила передышку. Ну а если дивизия переводит дух, то и ее командир имеет такое же право. Нет, конечно же, хлопот Звягину хватало и сейчас, но в перерыве между хлопотами выдавались и относительно свободные часы, и уж их-то Звягин старался проводить в свое удовольствие.

Он даже обзавелся походно-полевой женой! Одна юная, привлекательная телефонисточка по имени Катя хотя и не сразу, но прислушалась-таки к прозрачным намекам Звягина и согласилась на отношения. Да и кто мог бы устоять супротив Николая Звягина — статного

красавца, героя, полковника, а в скором будущем — генерала?

Так что если поначалу Звягин и сожалел о том, что попал на передовую, то вскоре его сожаление улетучилось, а взамен пришло чувство, которое можно было бы назвать самодовольством. Или — самоуспокоением. Или — той разновидностью беспечности, которая обычно присуща всем тщеславным, а оттого и не слишком умным и душевно слепым людям.

...Ну, а затем случился тот самый бой. Для дивизии Звягина, равно как и для самого полковника, это был роковой, переломный день в жизни. Дивизия Звягина должна была взять небольшой донбасский город. План взятия был разработан досконально и не сулил никаких особенных неприятностей. С наступлением темноты дивизия по всем правилам военной науки должна была начать атаку, а к утру, по всем расчетам, городок предполагалось освободить. Будучи уверенным в успехе, Звягин даже самолично выдвинулся поближе к атакующим линиям своей дивизии — чтобы, значит, образно выражаясь, въехать в город победителем на белом коне впереди собственного войска.

Но случилось то, что случилось. С самого начала атака не задалась. То ли был просчет в предварительных планах, то ли неприятель по каким-то неведомым причинам решил удержать городок во что бы то ни стало... Но первая, а

за нею и вторая атака захлебнулись. Звягин не раздумывая приказал идти в третью атаку. И вот тут-то дивизия почти в полном составе угодила в самый настоящий огневой мешок! Стреляли отовсюду: в лоб, с флангов, сверху... Не дожидаясь приказа, дивизия стала отступать. Но оказалось, что и отступить нет возможности, потому что неприятель открыл шквальный огонь и с последней, четвертой стороны. А это могло означать лишь одно — дивизия угодила в окружение.

К такому повороту полковник Звягин оказался не готов. Он не знал, какой приказ отдавать, да и кому отдавать! Где сейчас его войско? Кругом была сплошная тьма, исчерченная трассирующими пулеметными очередями, истерзанная взрывами, наполненная криками. Такая тьма несла в себе погибель, которая не разбирает, где рядовой боец, а где командир дивизии. Для нее все люди одинаковы...

Звягин находился в машине — трофейном «Хорхе». Вместе с ним там же находились еще три человека: водитель, адъютант и связистка Катя — та самая, походно-полевая жена полковника. По здравом рассуждении, Кати здесь было не место, но Звягин перед началом атаки сам себя убедил в том, что без Кати ему никак не обойтись. Уж очень ему хотелось, чтобы в тот торжественный миг, когда он будет входить в освобожденный город как победитель, Катя была рядом! Чтобы она, значит, могла видеть

воочию, каков ее любовник — храбрый и удачливый полководец и вообще герой.

Рядом с машиной один за другим раздались три взрыва. Стреляли, судя по звукам, из минометов. А коль так, то враг находился где-то совсем рядом. Минометы, как известно, далеко не стреляют. Осколки и комья мерзлой земли зашелкали и загрохотали по машине. Мотор взвыл и умолк.

— Что? — спросил Звягин у шофера, стараясь перекричать грохот взрывов и звуки выстрелов. — Что случилось?

— Не знаю! — прокричал в ответ водитель. — А, черт!.. Не заводится! Похоже, подбили нас, вот что!

— Всем покинуть машину! — приказал Звягин.

Он схватил Катю за руку и почти насильно выволок из автомобиля. Что делали в это же самое время шофер и адъютант, его не интересовало. Сейчас его волновала только собственная судьба да еще — судьба Кати.

Вывалившись из машины, Звягин тотчас же упал на землю, увлекая за собой Катю.

— Надо подальше от машины! — прокричал он. — Ползком! Не поднимая головы! В какую-нибудь воронку! Ты поняла?

И, не дожидаясь от Кати ответа, пополз. Девушка, как могла, ползла рядом. Вскоре они доползли до воронки и вдвоем в нее свалились.

— Цела? — спросил Звягин.

— Да, — испуганно ответила Катя. — Ватник вот только порвала...

Она была одета в ватник и ватные стеганные галифе. На Звягине был добротный полушубок.

— Да и черт с ним, с ватником! — ответил Звягин. — Не до него! Лежи и не высовывайся! Видишь, как стреляют!

Минуты три Катя лежала молча, затем испуганно спросила:

— А что случилось? Что происходит? Где мы?

— Черт его знает! — зло ответил Звягин. Он помолчал и добавил: — Стреляют со всех сторон! В ловушку мы угодили! Похоже, окружили нас.

— Так чего же мы здесь лежим? — спросила Катя больше удивленно, чем испуганно.

— А что нам делать, когда и головы не поднимешь? — все с той же злостью ответил Звягин.

— Надо организовать оборону, — неуверенно предложила Катя. — Командовать надо.

— Кем? — ощерился Звягин. — И как?

— Но вы же командир... Вы должны знать...

Звягин хотел что-то ответить, но не успел, потому что буквально ему на голову вдруг свалился человек. Это оказался адъютант.

— А, вот вы где! — выдохнул он. — А я уж думал, что не найду вас в этой чертовой круговерти.

— Что происходит? — спросил у адъютанта Звягин.

— Воюем, — почти спокойно ответил тот. — Слышите — стреляют? Значит, воюем... А там, вдали, слышите частую стрельбу? Думаю, это наши прорываются из окружения. Туда нам и надо. К своим.

— Да, туда... — не слишком уверенно произнес Звягин. Он осторожно выглянул из воронки и тотчас же упал на ее дно.

— Что такое? — с тревогой спросил адъютант.

Катя испуганно вскрикнула.

— Ничего, — ответил Звягин, тряся головой. — Чуть не зацепило... Вот ведь как шмаляют. Из всех видов оружия! Головы не высунешь!

— Все равно надо к своим! — упрямо повторил адъютант. — Они — там, а мы — здесь... Так не полагается.

— Сейчас, — сказал Звягин, и в его голосе ощущались и неуверенность, и тревога, и почти неприкрытый страх. — Сейчас и мы туда... Вот только перестанут по нам стрелять, и мы сразу же... А то ведь голову поднять невозможно.

— Туда нам надо! — упрямо повторил адъютант. — Немедленно! А то как же они без командира?

— Сейчас, сейчас... — повторил Звягин и не двинулся с места.

Адъютант внимательно посмотрел на него, но ничего не сказал. Он был подчиненным, ему по долгу службы полагалось находиться рядом с командиром дивизии и выполнять его приказы. Он и находился рядом, вот только никаких приказов командир дивизии не отдавал.

Вскоре стрельба почти стихла. Вдалеке, правда, по-прежнему трещали выстрелы и ахали взрывы, а вот вблизи было почти тихо.

— Товарищ полковник, — сказал адъютант. — Слышите — почти не стреляют. Значит, самый подходящий момент. Вот сейчас я разведую, что и как, и мы короткими перебежками вперед. К своим...

Он осторожно высунул голову из воронки. Но почти сразу же ее и спрятал.

— Что? — спросил у него Звягин.

— Тише! — зашипел адъютант. — Немцы!..

— Но... — недоуменно произнес Звягин.

— Тише, тише! — повторил адъютант. — Авось не заметят.

Вверху раздались шаги и речь на немецком. Замерев и стараясь не дышать, Звягин, адъютант и Катя скорчились на дне воронки. Шаги и голоса стали отдаляться. Их не заметили.

— Ну, и что теперь? — спросил адъютант больше у себя самого, чем у еще кого-то. — Куда нам теперь?

— Теперь — выбираемся наружу и пойдем, — сказал Звягин. — Пока не начало светать.

— И куда же? — спросил адъютант.

— Там будет видно, — неопределенно ответил полковник и добавил: — Конечно же, к своим. Куда же еще?

— Ну... — так же неопределенно произнес адъютант и первым выбрался из воронки. Какое-то время его не было видно и слышно, но затем сверху раздался его приглушенный голос:

— Вылезайте из этой ямы! Немцев вроде поблизости нет!

Звягин помог Кате выбраться, затем вылез сам. Девушка дрожала — то ли от холода, то ли от испуга, а может, и от того, и от другого одновременно. Не отдавая себе отчета, она попыталась подняться во весь рост.

— А вот вставать, барышня, не нужно! — Адъютант дернул Катю за руку. — Лучше ползком. Так будет надежнее. Знать бы еще, в какую сторону ползти. А, товарищ полковник? По всем приметам туда, где стреляют. Там наши.

— Но там и немцы, — сказал Звягин. — Напоремся, чего доброго... Уж лучше туда. — Он указал куда-то в сторону.

— А там что? — хмыкнул адъютант.

— А там — будет видно, — неопределенно ответил полковник Звягин.

ГЛАВА 2

Вначале они ползли, затем — передвигались пригнувшись, а далее был лесок с деревьями и густым кустарником, где можно было передвигаться во весь рост. Ночь подходила к концу, занимался тусклый февральский рассвет, и уже можно было различить лица вблизи и отдельные предметы в отдалении.

— Я больше не могу, — сказала Катя. В ее голосе слышались слезы. — Я устала.

— Привал! — выдохнул Звягин. — Кажется, здесь мы в безопасности. — И он вопросительно посмотрел на адъютанта.

Тот в ответ лишь неопределенно передернул плечами, снял с шеи автомат, еще раз повел плечами.

Катя устало опустилась на мерзлую землю, на которой почти не было снега. Звягин присел рядом. Адъютант остался стоять, осматриваясь и прислушиваясь.

— А стрельбы-то почти не слышать, — сказал он. — Тут одно из двух: либо наши все-таки вырвались из окружения, либо... А, то-

варищ полковник? Что вы думаете по этому поводу?

Звягин ничего не ответил. Он сидел, прислонившись спиной к дереву, его глаза были закрыты.

— Я так думаю, что прорвались, — предположил адъютант. — Потому что невозможно окружить и уничтожить целую дивизию за такой короткий срок. Это нереально. И в плен они сдаться не могли всем личным составом. Значит, вырвались из мешка. Без нашего участия. — Он помолчал, затем вдруг резко обернулся и в упор взглянул на Звягина. — Я говорю — без нашего участия! — повторил он. — Точнее — без вашего, товарищ полковник. Вы ими не командовали, а они прорвались. И сейчас, должно быть, те, кто уцелел, среди своих. И командование у них спрашивает: а куда подевался командир дивизии полковник Звягин? Может, он убит? А если не убит, то где же он? Как вы думаете, что они говорят в ответ? Барышня, этот вопрос касается также и вас.

— Не вам об этом рассуждать. — Полковник Звягин открыл глаза и со злобой взглянул на адъютанта. — Если что — я отвечу сам.

— Это конечно, — согласился адъютант. — Вот только что именно вы ответите? Почему вы здесь, а ваши солдаты — там?

— Ну, так и вы тоже здесь, а не там, — сказал Звягин.

— А что я? — возразил адъютант. — Я при вас. Так сказать, по долгу службы. Ну, про барышню мы и вовсе говорить не будем. Что барышня? С нее спросу нет. Но все-таки мне интересно — что дальше? Почему мы сейчас здесь, а не там?

Адъютант повернулся и указал рукой вдаль, туда, где затихала отдаленная стрельба. Полковник Звягин выхватил из кобуры пистолет и трижды выстрелил в адъютанта. Тот вздрогнул, недоуменно посмотрел на полковника и упал. Звягин выстрелил в адъютанта еще два раза. Катя вскрикнула и испуганными глазами взглянула на полковника.

— Вот так, — деревянно улыбаясь, сказал Звягин. — Вот так... А ты не кричи. Не надо кричать. А то вдруг услышат...

— Вы... вы его убили! — в ужасе произнесла Катя. — Своего...

— Он сам себя убил. — Деревянная улыбка не сходила с губ Звягина.

— Зачем? — Катя не могла прийти в себя. — Зачем вы его застрелили?

— А ты что же, хотела, чтобы он застрелил меня и тебя? — зло выговорил Звягин. — Вишь, как он завел! Почему мы здесь, да что я скажу... А дальше дошло бы дело и до стрельбы. Не зря же он снял автомат с шеи. И что же — было бы лучше, если бы он застрелил нас, а не мы его?

На это Катя ничего не ответила. Она не сводила испуганных глаз с мертвого адъютанта.

— И все равно я не понимаю... — наконец проговорила она.

— Чего ты не понимаешь? — взглянул на нее Звягин. — Ну, что тебе непонятно?

— Я не понимаю... — повторила Катя.

— Хорошо, я тебе объясню, — сказал Звягин. — Растолкую. Первое: возвращаться туда, — он указал рукой куда-то вдаль, — нам нельзя. Там нас не пощадят. Там для нас — смерть.

— Почему же? — тихо спросила Катя.

— Потому что моя дивизия там, а я здесь! — резко ответил Звягин и кивнул на мертвого адъютанта: — Он был прав. Что я скажу там, — он опять указал вдаль рукой, — когда меня спросят? Кто станет слушать мои объяснения и оправдания? Я завел дивизию в мешок, и я ее из мешка не вывел. Более того: я — сам по себе, а дивизия — сама по себе. Это же трибунал! А то, может, и до трибунала не дойдет... Так получилось... Потому-то нам туда и нельзя.

— Нам? — Испуг в голосе Кати сменился удивлением.

— А ты что же, думаешь, они тебя помилуют? — Звягин желчно усмехнулся. — Меня, значит, поставят к стенке, а тебя наградят орденом? А за что тебя награждать? За то, что ты была со мной? Хороший повод для награды, ничего не скажешь.

— Но... — попыталась возразить Катя.

— Ты хочешь сказать — там разберутся? — скривился Звягин. — Как же — они разберутся... Станут они возиться с какой-то связисткой. Уж если меня не помилуют, то и тебя тоже.

Катя, подавленная, долго молчала. Она не знала, что ей говорить и что делать. Она просто сидела на мерзлой земле, обхватив руками колени, и невидящими глазами смотрела вдаль.

— Так что же делать? — наконец спросила она.

— Жить, — ответил Звягин. — Для чего нам умирать? И мне, и тебе тоже? Надо жить дальше...

— Как? — спросила Катя.

— А вот ты меня послушай! — наклонился к ней Звягин. — Но только внимательно слушай — без всяких таких... — Он не договорил и пошевелил пальцами. — К своим нам возвращаться нельзя — это понятно. Сидеть в этом мерзлом лесу — много не высидишь. Да и какой смысл? Значит, остается одно — уйти к ним.

— Куда? — не поняла Катя.

— К ним, — жестко повторил Звягин. — К немцам.

На это Катя ничего не сказала, лишь ошарашенно приоткрыла рот, и в ее глазах заметались испуганные тени.

— Да, к немцам! — все так же жестко повторил Звягин. — Ну, а что? Я — полковник,

командир дивизии. Не каждый день им в руки попадают полковники и командиры дивизий! Я много чего знаю, я — специалист. А немцы ценят специалистов. Так что не обидят. Ну, а ты будешь при мне. Скажем им, что ты моя жена.

— Но... — заикнулась было Катя.

— Или, может, ты думаешь, что советская власть в этой войне победит? — не дал ей договорить Звягин. — Как же — победит... Все эти наступления — дело временное. А дальше начнутся сплошные отступления. Уж я-то знаю. А где отступления, там и смерть. Зачем нам умирать?

— Но ведь это предательство! — выговорила наконец Катя. — Как же так? Ведь нельзя предавать... Надо сражаться...

— Это жизнь, детка, — назидательно проговорил полковник. — Которая, как мы знаем, всем дается лишь один раз. Значит, надо жить. И в той ситуации, в которой мы оказались, выжить можно только так, как я сказал. Ты меня поняла?

На такие слова Катя не нашла что ответить. Ей захотелось плакать. И чтобы ее кто-нибудь утешил. Но некому было ее утешать, это она прекрасно понимала. Кто бы ее мог утешить? Мертвый адъютант? Полковник Звягин — ее нечаянный походный сожитель? Так ведь он не утешит. Вон какие страшные слова он говорит! Надо, говорит, сдаваться фашистам. Но

ведь нельзя сдаваться фашистам! С ними надо воевать! До последнего патрона, до последнего вздоха! А может, Звягин шутит? Может, он говорит такие слова всего лишь для того, чтобы ее проверить? Но нет, нет. Все серьезно, он ведь своего адъютанта застрелил. Значит, и сейчас не врет. Но как же быть? Ведь нельзя же сдаваться врагу! Лучше умереть!

Но какие слова она может сказать полковнику Звягину — да и проймут ли его слова? Говорит, что ты — моя жена. При других обстоятельствах она бы, конечно, обрадовалась таким словам. Она была влюблена в Звягина. Да-да, влюблена! Без любви разве бы она пошла на связь с ним? Разве бы решилась стать походно-полевой женой? Но для чего ей такая любовь сейчас, в этот самый момент, когда человек, которого она любит, говорит ей такие страшные слова о предательстве и всерьез намеревается предать? Он — враг, а с врагом надо бороться, потому что идет война.

Катя повела вокруг глазами. Оружия при ней не было. Но в пяти шагах от нее лежит мертвый адъютант, а рядом с ним — автомат. Надо только сделать эти пять шагов, схватить автомат и... Но как же их сделать? Ведь это так много — пять шагов!

Звягин, все это время с внимательным прищуром наблюдавший за Катей, понял ее намерения. Он хмыкнул, подошел к мертвому адъ-

ютанту, поднял автомат и забросил его себе на плечо.

— Не дури, детка! — сказал он. — А то ишь, что удумала! Я предлагаю тебе хороший вариант! К черту эту войну, к черту всё и всех! Заживем нормальной жизнью! А не в колхозной землянке или в заводском бараке. Решай, время дорого.

Слушая его, Катя понимала, что теперь, когда Звягин разгадал ее намерения и забрал автомат, она осталась совсем беспомощной и беззащитной. Сила была полностью на стороне Звягина. В любой момент он мог сделать с ней все, что захочет. Может увести с собой силой или убить. Такой, стало быть, был у нее выбор — быть убитой или оказаться в плену у немцев.

— Ну, так что же? — спросил Звягин. — Надумала? А то ведь времени совсем не осталось. Уже утро.

— Никуда я с тобой не пойду! — решительно произнесла девушка. — Ни к каким немцам! Потому что это предательство!

— Вот как... — Звягин, казалось, даже слегка растерялся от такого решительного ответа Кати. Похоже было, он все же надеялся, что девушка произнесет совсем другие слова. — Вот, значит, как... И что же ты собираешься делать? Вернуться к своим? Донести на меня?

— Миленький! — вдруг торопливо, сбивчиво и взхлеб проговорила Катя и подбежала к Звягину. — Миленький... не надо! Не надо

идти к немцам... что ты! Давай лучше вернемся к своим! Упадём в ноги, повинимся. Что они нам сделают? Ну, разжалуют тебя, отправят на фронт рядовым, так и что же? Я тебя буду ждать! И ты вернешься живым и невредимым! Разве это так важно — генерал ты или простой солдат! Важно другое, миленький! Я тебя буду ждать. А ты будешь писать мне письма. А когда война закончится... а она закончится очень скоро, потому что вот — мы наступаем... и когда война закончится, то мы...

Звягин не дал ей договорить. Он с силой оттолкнул от себя Катю. Легонькая девушка от толчка отлетела на несколько метров и упала на спину. А когда она поднялась, то увидела, что Звягин наставил на нее автомат.

— Миленький... — сказала Катя, и это были ее последние слова.

Автомат коротко застучал, Катя переломилась и упала на спину. Да так и осталась лежать, глядя широко раскрытыми глазами в пасмурное февральское небо.

— Никто теперь не скажет, что полковник Звягин жив, — сам себе проговорил Звягин. — Потому что никого не осталось, кто бы мог это сказать. А значит, никто не станет искать полковника Звягина. Подумают, что он погиб. Вычеркнут из списков и забудут.

Он постоял еще немного над мертвой Катей, глядя куда-то в дымное пространство февраль-

ского утра. Затем тряхнул головой, забросил автомат в кусты и пошел в ту сторону, где, по его мнению, должны были находиться немцы.

Долго идти ему не пришлось. Вскоре он увидел немцев. Это был небольшой мобильный немецкий отряд на нескольких бронемашинах. Расположившись на обочине дороги, солдаты завтракали. Какое-то время Звягин наблюдал за ними из кустов, не решаясь подойти. Но потом решился. Он высоко поднял руки и вышел из укрытия. Немцы, ничего подобного не ожидавшие, удивленно уставились на Звягина. Их удивление было так велико, что они даже не схватились за оружие, а просто сидели и молча наблюдали, как к ним приближается какой-то человек с поднятыми руками.

— Не стреляйте! — по-русски крикнул Звягин. По-немецки он не мог произнести даже нескольких расхожих фраз, которые на фронте знал каждый солдат. — Не стреляйте! Я — полковник! Я — командир дивизии! Я хочу добровольно сдаться!

Похоже было, что и немцы не знали ни единого русского слова. Но слова «полковник» и «дивизия» они все же поняли. Несколько солдат взяли оружие и, держа его на изготовку, осторожно пошли навстречу Звягину. Сблизившись со Звягиным, они окружили его. Двое солдат стали обыскивать полковника, остальные стояли рядом и держали пальцы на спу-

ДОРОГА ОСОБОГО ЗНАЧЕНИЯ

сковых крючках, готовые выстрелить в любую секунду.

— Не стреляйте! — повторил Звягин. — Я — полковник. Отведите меня к вашему командиру. У меня есть важные сведения.

Для большей убедительности Звягин снял с себя полушубок, чтобы лучше были видны нашитые на гимнастерке знаки различия и погоны. Один из солдат, увидев погоны, что-то сказал другим солдатам, а затем, глянув на Звягина, произнес: «Ком!» И сделал соответствующий знак рукой.

— Да-да, конечно! — с готовностью ответил Звягин и, не опуская рук, пошел с немецкими солдатами.

ГЛАВА 3

Звягин опасался, что его поместят в концлагерь, или в тюрьму, или еще в какое-нибудь погибельное место, а то и вовсе сразу же расстреляют, не вникая ни в какие подробности и не спрашивая — кто он, для чего сдался в плен и чем он может быть полезен. Но все обошлось. Звягина не отправили ни в тюрьму, ни в концлагерь, а поселили в двухэтажном здании, внешне напоминавшем довоенный советский санаторий.

Конечно, бывший санаторий охранялся, тут и там можно было видеть вооруженных солдат, но все же здесь было гораздо лучше, чем в тюрьме. Тем более что в санатории, помимо самого Звягина, находились и другие люди — похоже, бывшие старшие офицеры Красной армии, как и сам Звягин. Все они были в советской форме — правда, без знаков различия, как и сам Звягин (первое, что сделали немцы, взяв в плен Звягина, — это сняли с его одежды все знаки различия). Скорее всего они так же, как и Звягин, добровольно сдались в плен, а может, оказались здесь по каким-то другим причинам.

Их было немного, человек десять, не больше. Но все равно и бывший санаторий вместо концлагеря, и эти десять человек — все это приободрило Звягина и вселило в него определенные надежды: коль его не бросили в концлагерь и не расстреляли, а наоборот — поместили в бывший санаторий, значит, у немцев на него имеются какие-то планы относительно дальнейшего сотрудничества. Что ж, и хорошо. В конце концов, именно ради этого он и сдался в плен.

С другими бывшими офицерами Звягин близко сходитья не стал, да и они не горели желанием завести с ним знакомство. Они лишь искоса на него взглянули, двое или трое из них криво усмехнулись — вот и все, можно сказать, знакомство.

Что ж, и это было хорошо. Зачем они были нужны Звягину? Он ждал, когда его вызовут, хотя понятия не имел, куда его должны вызвать, с кем ему придется общаться и на какие темы. Но в том, что такое общение рано или поздно состоится, Звягин не сомневался. А иначе для чего его поместили в бывший санаторий?

И он оказался прав. Однажды утром, спустя примерно неделю после того, как Звягин был помещен в бывший санаторий, за ним явились два вооруженных солдата и знаками велели следовать за ними. Звягин, хотя и ожидал этого, все же заволновался. Куда его сейчас отведут? Что ему ждать? В растерянности он взял полушубок,

намереваясь его надеть, но солдаты знаками показали, что в этом нет надобности. И это Звягина изрядно приободрило. Коль не нужен полушубок, значит, его не собираются отправлять куда-то далеко: возможно, его не будут даже выводить из здания.

Так и случилось. Звягина всего лишь отвели в другое крыло санатория и ввели в просторный кабинет с двумя столами, несколькими стульями, диваном, больничным шкафом и большим металлическим сейфом в углу. В кабинете находились двое в немецкой военной форме. Они взглянули на застывшего у дверей Звягина: тот, что был постарше, посмотрел с холодной суровостью, а помладше — с ироничным прищуром. Во всяком случае, Звягину именно так показалось.

— Прошу, — произнес младший на русском языке, обращаясь к Звягину. — Проходите, присаживайтесь. Заодно позвольте отрекомендоваться. Мы с коллегой — из абвера. Если вам известно, это военная разведка.

— Да, я знаю, — ответил Звягин хриплым голосом.

— Отлично. — Собеседник едва заметно усмехнулся, отчего ироничный прищур его глаз стал еще заметнее. — Мы с коллегой неплохо говорим по-русски, так что никаких проблем в плане взаимопонимания в этом смысле быть не должно. Называйте меня герром Штеле, а моего коллегу герром Эрлихом.

— Хорошо, — сказал Звягин.

— А теперь представьтесь вы. — Штеле опять улыбнулся.

— Николай Звягин, полковник, командир дивизии, — хриплым от волнения голосом сказал Звягин.

— А вот волноваться не стоит. — Улыбка просто-таки не сходила с губ Штеле. — Как говорят французы, для вареного рака все самое страшное уже позади.

— Что-то похожее говорят и у нас, — откашлялся Звягин.

— Ну, вот видите! — Штеле даже прихлопнул в ладоши от таких слов Звягина. — А еще у вас говорят — все мы люди, все мы человеки. Ведь говорят же?

— Да, — коротко ответил Звягин.

— Прекрасно! — воскликнул Штеле. — Это означает, что мы с вами сможем понять друг друга и выстроить наши отношения к обоюдной пользе.

— Да, конечно, — осторожно согласился Звягин.

— Итак, вы добровольно сдались в плен немецким войскам... — сказал Штеле.

— Именно так, — кивнул Звягин.

— Отлично! — энергично произнес Штеле. — Но вот вопрос: а почему так поздно? Почему не в сорок первом или, скажем, сорок втором году?

— В сорок первом и сорок втором году я не был на фронте, — сказал Звягин. — Я был в резерве. В глубоком тылу, на Урале.

— Понятно, — кивнул Штеле и опять иронично прищурился. — Скажите, а если бы вы в это время были на фронте, то сдались бы?

— Да, — ответил Звягин.

— И что тому причиной? — спросил Штеле.

— Причиной? — переспросил Звягин. Постепенно растерянность проходила, он стал себя чувствовать увереннее. — Да есть причины...

— А именно? — вмешался в разговор второй собеседник — герр Эрлих, и Звягин даже вздрогнул от неожиданности.

— Терпеть их не могу! — сказал Звягин. — Ни их колхозы, ни их пятилетки, ни их лозунги.

— Что же, наши лозунги вам милее? — улыбнулся Штеле. — Чем же?

На это Звягин не нашелся что ответить и лишь передернул плечами.

— Ну, хорошо, — миролюбиво произнес Штеле. — Просто будем считать, что вы сдались в плен по идеологическим причинам. Я прав?

— Именно так, — кивнул Звягин.

— Да, но как вам это удалось? — все тем же миролюбивым тоном поинтересовался Штеле. — Все-таки вы командир дивизии. Так сказать, персона на виду... Неужто у вас все так просто? Захотел командир дивизии сдать в плен — и вот он уже в плену! Так как же все по-

лучилось на самом деле? Расскажите подробнее о вашем пленении.

Не нравился Звягину этот миролюбивый тон, ох как не нравился. Чувствовалось, что кроется в этом нарочитом миролюбивом тоне нечто другое — коварное, хищное, смертельно жестокое. Это было миролюбие змеи, готовой в любой момент броситься в смертельную атаку и ужалить. Но куда было Звягину деваться? Выбирать собеседников не приходилось, и уклониться от ответа на вопрос он также не мог. И потому он рассказал обо всем, что произошло: и о ночном неудачном бое, когда вся его дивизия угодила в огневой мешок, и об убийстве своего адъютанта, и об убийстве Кати тоже...

Эрлих и Штеле слушали, не перебивая, они лишь изредка переглядывались между собой.

— Вы закончили? — спросил Штеле, когда Звягин умолк.

— Да, — сказал Звягин.

— Что ж. — Штеле встал из-за стола и прошелся по кабинету. — Что ж... Подведем некоторые итоги. Итак, вы говорите, что сдались в плен по идеологическим соображениям.

— Да, конечно, — поспешно подтвердил Звягин.

— Однако то, что вы нам рассказали об обстоятельствах вашего пленения... — Штеле помолчал, выдерживая паузу. — Скажем честно, мы с коллегой вам не поверили.

— Почему? — испуганно спросил Звягин.

— Потому что вы лжете! — неожиданно резко произнес Штеле.

Вот он, бросок змеи! Штеле, сделав стремительное движение, резко уселся напротив Звягина и уставился ему в глаза. В этих глазах не было уже никакой добродушной иронии, только злоба.

— Вы нам лжете! — повторил Штеле. — Почему вы лжете? Со страху? Из желания перед нами выслужиться? Набить себе цену? Или, может быть, из-за того, что вы — совсем не тот, за кого хотите себя выдать? Так кто же вы? Отвечать!

— Я говорю правду... — растерянно вымолвил Звягин.

— Значит, правду? — спросил на этот раз Эрлих. — И в чем же она, ваша правда?

— Я сдался добровольно! — с нотками истерики в голосе выкрикнул Звягин.

— Вы сдались нам потому, что оказались в безвыходном положении! — с мрачной жесткостью произнес Эрлих. — Вы погубили дивизию, которой командовали. Безусловно, за это вам пришлось бы отвечать. Вы испугались понести наказание, оттого и решили сдаться. Я все правильно сказал? Или, может, вы желаете возразить?

На это Звягин ничего не ответил. Он испуганно и подавленно молчал. Он считал, что теперь все для него пропало. Раскусили его

немцы, разоблачили. Вот как быстро и ловко это у них получилось. Не нужен он немцам. Все, наверно, кончено.

— Я могу быть вам полезен, — наконец хриплым голосом сказал он. — Я много чего знаю... Могу вам рассказать...

— Это само собой. — Штеле с нарочитой ленцой потянулся и даже зевнул. — Но чтобы заслужить доверие Германии, этого мало. Таких, как вы, у нас хватает и без вас. Вы сейчас обыкновенный пленный. Обычно таких после допроса расстреливают по законам военного времени. Вот и вся ваша ценность.

— Я могу и больше! — торопливо произнес Звягин. — Я многое могу!

— Неужели? — В голосе Штеле опять послышалась ирония. — И что же именно вы можете?

— Есть у меня соображения! — все так же торопливо сказал Звягин. — И не просто соображения, а предложения, которые можно реализовать! Да-да! И притом легко! Надо лишь подготовиться... Это именно то, чего Советы опасаются, боятся. Очень боятся! Вот я сейчас вам расскажу...

— Не надо, — поднял руку Эрлих. — Сейчас не надо. Расскажите завтра. Все хорошо обдумаете и расскажете. Вы поняли?

— Да-да, конечно...

— Завтра! — по слогам произнес Штеле. — Во всех подробностях. И очень хотелось бы,

чтобы это были дельные предложения, которые пойдут на пользу Германии. И если они будут такими, то, как говорят у вас, за нами не заржавеет. А нет — извиняйте.

— Да, я понимаю! — торопливо согласился Звягин.

Штеле позвал солдат, и Звягина увели. После ухода Звягина Эрлих и Штеле какое-то время молчали, а затем Эрлих спросил по-немецки:

— Ты думаешь, от этой мокрицы может быть какой-то толк?

— Черт его знает! — также по-немецки ответил Штеле. — Иногда они в надежде сохранить жизнь действительно выдают ценные идеи. Может, это как раз и есть такой случай? Все-таки полковник... Чему-то его учили, что-то он знает... Подождем до завтра.

ГЛАВА 4

Всю ночь Звягин не спал. Какой уж тут сон? Он лихорадочно думал. И, главное, ему было о чем размышлять. Днем в разговоре со Штеле и Эрлихом он не солгал. У него действительно была идея, которая, по его мнению, могла заинтересовать немцев. И тут было главное — как преподнести ее? В каком виде?

Еще будучи в глубоком тылу, да и потом, на фронте, Звягин слышал такое слово — «Транссиб». Да что там слышал, он прекрасно знал, что оно значит. Именно по этой железнодорожной магистрали шли на фронт значимые грузы: и оружие, и продовольствие, и живая сила. Не будь Транссиба, возможно, не было бы и успехов на фронте. Потому что как еще доставлять грузы на фронт?

Так вот. Звягину не раз доводилось слышать, что высшее советское руководство очень опасается за сохранность Транссибирской магистрали. Дескать, если врагу удастся ее повредить, то в этом случае на фронте неминуемо возникнут большие трудности. А вместе с ними

заглохнет и победное наступление Красной армии, и освобождение оккупированных врагом земель. Правда, при этом советским руководством выражалась уверенность, что как-то существенно повредить Транссиб и парализовать его работу — дело непростое, можно даже сказать, нереальное. Магистраль находится в глубоком советском тылу, тянется через всю Сибирь. Даже добраться туда фашистским диверсантам и то большая проблема. Да и добравшись, они ничего существенного сделать не смогут. Потому что чтобы вывести из строя столь мощную и протяженную магистраль — усилий только одной или даже двух, да хоть даже трех или четырех диверсионных групп явно не хватит. Здесь, пожалуй, нужна как минимум дивизия. А как ее перебросишь скрытным образом в глубокий тыл? К тому же там, в тылу, также есть части Красной армии, которые, в случае чего, дадут диверсантам отпор. Но тем не менее относиться с беспечностью к такой гипотетической опасности все равно нельзя. Необходимо быть бдительным — во всех смыслах этого понятия.

Но что, если все-таки попробовать обмануть бдительность советской власти? Что, если несмотря ни на что, попытаться нарушить работу магистрали? Хотя бы на короткое время? Вот это и было темой ночных размышлений Звягина.

Он сам был родом из тех краев, он родился и провел детство в городке Мариинске. Этот городок аккуратно располагался на Транссибирской магистрали. На магистрали путевым обходчиком работал отец Звягина, да и сам он также начинал свою трудовую деятельность там же — подсобным рабочим в паровозном депо. Правда, недолго, потому что вскоре его забрали в армию, а дальше были командные курсы и военная карьера...

Так вот почему бы, несмотря ни на что, не попытаться нарушить работу Транссибирской магистрали? Допустим, в районе того же Мариинска? Как это сделать? Тут у Звягина имелась замечательная, как ему казалось, мысль. Мариинск, да и другие соседние города, которые также расположены на магистрали или неподалеку от нее — это, ко всему прочему, еще и край лагерей, в которых содержатся заключенные. Множество заключенных, может быть, тысячи! И уголовники, и бытовики, и политические — всякие. И у всех у них — затаенная, а у кого и открытая обида на советскую власть. Даже и не обида, а ненависть! Ведь именно советская власть заперла их в лагеря и лишила свободы. Ну, а где обида, там и желание отомстить. Да хотя бы даже и не отомстить, а просто вырваться на свободу.

Но свобода, она дорого стоит. За нее надо платить немалой ценой. Иначе говоря: я по-

могаю тебе обрести свободу, а ты мне за это платишь. И не деньгами, и даже не золотом, а, допустим, выполняешь какое-то поручение. Допустим, нужно взорвать мост Транссибирской магистрали. Или вывести из строя несколько перегонов, подорвав на них рельсы. Или взорвать паровозное депо хотя бы в том же Мариинске. Да мало ли что можно сделать, чтобы нарушить бесперебойную работу магистрали.

Конечно, один или даже десяток освобожденных эзков с такой задачей не справятся. А если их объединить в отряды? Если дать им в руки оружие? Если поставить над ними правильных командиров, которые объяснят им, что и для чего они должны делать?

Где найти таких командиров? Допустим, заслать их в лагеря под тем или иным видом и предлогом. Где добыть оружие? Поднять в лагере восстание, разоружить охрану — вот тебе и оружие.

А дальше получится подобие снежного кома. Обязательно получится! За одним лагерем восстанет другой лагерь, за ним — третий, четвертый, пятый... Вот тебе и боевые отряды. И всем им поставить задачу: всячески стараться вредить Транссибу. Взрывать, ломать, крушить... Главное, объяснить, что все это — дело полезное и нужное, все это — святая и праведная месть советской власти, которая в свое время упекла их в лагеря... Вот это и будет идеология повстанче-

ских зэковских отрядов. А где идеология, там и победа.

Но и это еще не все! Еще в район Мариинска нужно направить хорошо обученную и экипированную диверсионную группу. Так сказать, для общего руководства. Из кого она будет состоять? В принципе это не так и важно. Из немцев, из бывших красноармейцев, угодивших в плен... Из красноармейцев даже лучше, чем из немцев. Все-таки красноармейцы — свои, то есть местные, бывшие советские граждане. Они, в отличие от немцев, быстрее впишутся в действительность. А это очень важное условие — чтобы на тебя обращали как можно меньше внимания. Ну и, конечно, диверсионной группе нужен толковый командир. Впрочем, это уже не его, Звягина, дело. Это — как решат немцы.

И притом — всю эту операцию нужно провернуть как можно скорее! Сейчас февраль, а в апреле наступит весна. А с наступлением весны советские войска обязательно пойдут в наступление по всем фронтам. Так вот, нужно их опередить. То есть постараться к этому сроку парализовать работу Транссибирской магистрали.

А что касается восстания в лагерях, то его лучше всего поднять также в апреле. Сейчас зима, а в Мариинске — там сибирская зима. А зэк зимой на свободу не стремится — за-

мерзнет насмерть. Весна — совсем другое дело. С наступлением весны зэка неудержимо тянет на волю. Вот и нужно воспользоваться таким зэковским порывом...

Вот только нужно поторопиться, потому что весна — она уже на подходе. А организационных дел, связанных с подготовкой и осуществлением операции, предполагается немало. Одна заброска диверсионной группы в Сибирь чего стоит. Ведь это же тысячи километров!

Как же назвать операцию, над которой размышляет сейчас Звягин? А если «Что делать?». А что — хорошее название и с чисто русским колоритом. Что делать — это исконный вопрос, всегда стоявший перед россиянами и Россией. Вопрос всегда был, а точного ответа на него никогда и не было. Ну, так пускай немцы и дадут, наконец, ответ на этот вопрос. А он, Звягин, им поможет. Подскажет...

Наутро Звягина вновь привели в тот самый кабинет, и вновь его встретили те же самые абверовцы — Эрлих и Штеле.

— О, я вижу, что вы не спали всю ночь! — с прежней своей ироничной насмешливостью произнес Штеле. — Надемся, что причина вашей бессонницы была уважительной.

— Да, я почти не спал, — согласился Звягин. — Я размышлял и делал выводы...

— Вот как — даже выводы! — поощрительно произнес Штеле. — Очень интересно! Надемся,

вы поделитесь с нами вашими выводами. Мы заинтригованы.

По всему было видно, что Штеле не просто иронизировал, он не верил Звягину. А значит, ему не верил и другой собеседник — Эрлих. И это Звягина угнетало и пугало, но что он мог поделаться? Он был в полной власти Штеле и Эрлиха, они сейчас были его судьями, а может статься, что и палачами.

Собравшись с мыслями, Звягин рассказал Эрлиху и Штеле о результатах своих ночных размышлений. И даже сообщил придуманное им название будущей операции. К немалой его радости, Эрлих и Штеле иронизировать не стали. Они обменялись взглядами, и только. Затем Штеле произнес:

— Что делать, что делать... Вечный русский вопрос...

— Именно так! — поддакнул Звягин.

— Хорошо, — сказал Штеле. — Результаты ваших ночных размышлений заслуживают того, чтобы над ними подумать. Ступайте к себе. Когда вы нам понадобится, мы вас вызовем.

Звягин вышел, испытывая при этом огромное душевное облегчение. Кажется, ему удалось убедить немцев в том, что он может принести пользу. А коль так, то очень может статься, что дальше все будет просто замечательно. Для него замечательно, для Звягина.

ГЛАВА 5

После ухода Звягина Эрлих и Штеле стали совещаться.

— Я вижу, что ты не веришь этому русскому полковнику, — сказал Штеле Эрлиху.

— Ты прав, — мрачно ответил тот. — Не верю.

— Думаешь, он блефует? — прищурился Штеле.

— Возможно, что и так, — ответил Эрлих.

— И это означает, что он не тот, за кого себя выдает?

— Именно.

— Да, но какой смысл в этой его игре? — Штеле встал и прошелся по кабинету. — Допустим, мы поверили в то, что он нам сказал. Идея действительно стоящая. Как ты сам знаешь, там, — Штеле указал пальцем вверх, — давно уже думают над тем, как перекрыть каналы снабжения для русской армии. И, между прочим, упоминалось и о Транссибирской магистрали. Причем не один раз и всерьез... Но, похоже, эти мудрецы в высоких кабинетах так

ничего путного до сих пор и не придумали. Магистраль действует, и по ней все так же поступает все необходимое для Красной армии. Оттого она и перешла в наступление... И тут появляется русский полковник-перебежчик и практически с ходу предлагает нам интересную идею! Согласись, что идея и впрямь интересная.

— Именно это меня и смущает, — мрачно произнес Эрлих. — Такие идеи с ходу не рождаются. Они — результат многодневных напряженных размышлений.

— Захочешь жить — придумаешь еще не то, — улыбнулся Штеле. — Хотя, конечно, в какой-то мере ты прав... Думаешь, это ловушка?

— Возможно, — коротко ответил Эрлих.

— И этот полковник, соответственно, подсадная утка?

На это Эрлих и вовсе ничего не сказал, лишь пожал плечами.

— Герд, — обратился Штеле к Эрлиху по имени. — Ты прекрасно знаешь, как я ценю твой трезвый ум и здоровый пессимизм. Однако на этот раз мне кажется, что ты неправ. Давай рассуждать логически. Допустим, этот русский полковник и в самом деле провокатор. И, соответственно, фанатик. Да, фанатик, — заметив, что Эрлих удивленно посмотрел, повторил Штеле. — Потому что выйти живым из такой рискованной игры — дело практически невоз-

можное. Если мы его хоть в чем-то заподозрим, то сам понимаешь, что с ним будет дальше.

Штеле опять прошелся по кабинету и сделал несколько энергичных движений руками.

— Все-таки малоподвижная у нас с тобой работа, — скривился он. — Все больше приходится работать головой. А малоподвижность — это плохо для всего организма, в том числе и для умственных способностей. Получается заколдованный круг.

— Просись на фронт, — мрачно усмехнулся Эрлих. — Там движения гораздо больше. Что, безусловно, отразится на твоих умственных способностях.

— Узнаю своего друга Герда Эрлиха! — рассмеялся Штеле. — Но однако же по некоторым причинам я предпочитаю быть здесь, а не на фронте. Итак, позволь мне продолжить. Допустим, русские и впрямь решили затеять с нами игру и подсунули нам провокатора-фанатика в лице этого полковника. Но в чем суть такой игры? В чем, так сказать, высокий замысел русских? Делай со мной что хочешь, но никакого высокого смысла я не вижу. В конце концов, чем мы рискуем в этой игре? Неужели только тем, что мы потеряем группу диверсантов, заброшенную в глубокий тыл русских? Так невелика потеря... И, думаю, русские не стали бы ради этого затевать с нами какую-то игру. Не надо считать их дураками. Ну, а еще что мы

здесь теряем? Ты молчишь, друг мой Герд Эрлих? Вот и я недоуменно умолкаю.

Выговорившись, Штеле сел на диван и закрыл глаза. Он думал. Думал и Эрлих. Они молчали долго.

— Там, — отозвался наконец Штеле и опять указал пальцем вверх, — наверное, уже головы себе сломали, размышляя, как оставить Красную армию без снабжения. Но, похоже, никто еще не додумался использовать для этого советских заключенных. Идея, прямо скажем, оригинальная и неожиданная. А значит, имеет шансы на успех. И потому я предлагаю подумать над ней основательно.

— Ты считаешь, что можно верить заключенным? — спросил Эрлих.

— В нашем положении можно верить хоть черту, — ответил Штеле. — Это во-первых. А во-вторых... Представь, друг мой Эрлих, что тебя за все твои старания взяли и засадили в концлагерь. Ну? Скажи, разве в этом случае ты не затаишь обиду на власть? Не захочешь ей отомстить — по мере своих сил и возможностей? И вот тебе вдруг предложили такую возможность... Конечно же, ты используешь эту возможность и подложишь взрывчатку под какой-нибудь мост. Разве не так? Получишь, так сказать, моральную компенсацию. И к тому же не забывай еще об одной компенсации — о свободе.

— Ты говоришь о психологических моментах... — в раздумье произнес Эрлих.

— А о чем же еще! — воскликнул Штеле. — Разумеется, о них!

— Да, но те, о ком ты говоришь, — заключенные. Убийцы, воры, возможно, те, кто отбывает заключение по политическим мотивам.

— Тем более! — развел руками Штеле. — Кому, как не политическим заключенным, быть мстителями? Это же принципиальные враги советской власти. Пригодятся и убийцы с ворами. Для них, как известно, главное — оказаться на свободе. И тут им предлагают такую возможность. Неужто они ее упустят? Опять же, друг мой Эрлих, я говорю о человеческой психологии.

— Допустим, — стал постепенно сдаваться Эрлих. — Однако же идея новая. Тут надо подумать.

— Разумеется! — воскликнул Штеле. — Подумать, затем составить план, далее — одобрить его в высоких кабинетах. Все, как полагается. А потом надо начать действовать. А начинать нужно с бокала хорошего французского коньяка! Как тебе моя идея, друг мой Эрлих?

— Поддерживаю, — скупой улыбнулся Эрлих.

* * *

— ...Итак, во-первых, — сказал Штеле. — Как нам быть с авторством идеи? Что же, так и доложим в верха, что ее нам подкинул русский

перебежчик-полковник? Не много ли будет чести для этого полковника?

— У тебя есть мысль? — глянул Эрлих на Штеле.

— Я полон всяческих продуктивных мыслей, в том числе и относительно русского полковника, — с нарочитым пафосом сообщил Штеле.

— Я слушаю, — сказал Эрлих.

— А мысль вот такая, — сказал Штеле. — Предлагаю отодвинуть полковника в сторону и сообщить нашему начальству, что авторы идеи — мы с тобой. Думаю, ты не станешь возражать.

— Не стану, — ответил Эрлих. — Но как же быть с полковником?

— А что полковник? — поморщился Штеле. — Полковник... Да, вот! По всей видимости, там, в Сибири, нам понадобится свой человек, который смог бы координировать весь ход операции. Вот пускай наш полковник и будет таким координатором. Тем более что он, по его словам, родом из тех мест. А это, согласись, немаловажный момент — хорошо ориентироваться в обстановке.

— Не согласен! — решительно ответил Эрлих.

— Почему? — недоуменно спросил Штеле.

— По двум причинам, — стал пояснять Эрлих. — Во-первых, не исключено, что он совсем не тот, за кого пытается себя выдать. То есть ве-

дет двойную игру. Ее цели нам пока непонятны, но это не означает, что их нет. Равно как и самой игры.

— Допустим, — недовольно произнес Штеле. — Я уже говорил тебе, что никакой игры скорее всего здесь нет, потому что нет в такой игре никакого смысла для русских. Но предположим, что ты прав. Ну, а в чем же заключается вторая причина?

— В том, что я ему не верю, — сказал Эрлих. — Если он предал своих, то предаст и нас. Психология — как ты любишь выражаться. Он трус, и этим все сказано. Поэтому рассматривать такого субъекта в качестве координатора столь сложной и рискованной операции — это как минимум непрофессионально. Но мы же с тобой профессионалы, не так ли?

— Тут я с тобой согласен, — после размышления произнес Штеле. — Но тогда — что с ним делать, с этим полковником? Получается, что он нам больше не нужен?

— Пускай он побудет некоторое время в нашем заведении, — сказал Эрлих. — Поиграем с ним... Подсунем к нему нашего агента... В общем, все, как обычно. Чтобы до конца выяснить, кто он на самом деле.

— Понимаю, — сказал Штеле и усмехнулся. — Тем более вдруг он выдаст нам еще какую-нибудь сверхценную идею! С испугу — оно бывает.